

Борьба за право провести Олимпийские игры очень часто бывала совершенно «неспортивной» – бесчестной и аморальной. Игры, проведения которых в 1936 году добились нацистская Германия, – едва ли не самый яркий тому пример

Канцлер Германии Адольф Гитлер возглавляет процессию официальных лиц МОК, направляющихся на олимпийский стадион в Берлине перед открытием Олимпиады 1936 года



BETMANN/CORBIS/PPG

ИГРЫ ДЛЯ ФЮРЕРА, или Сколько стоил Кубертен

Владимир АБАРИНОВ

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Американским радиоастрономам из научно-фантастического романа Карла Сагана «Контакт» (экранизированного в 1997 году) удается уловить послание инопланетного разума. И вот сигнал декодирован – однако полученное телевизионное изображение повергает руководителя проекта Элли Эрроуз в шок.

«Перед Элли оказалось зернистое черно-белое изображение массивной трибуны, украшенной колоссальным орлом. В твердых когтях орла.

– Обман! Подделка! – в голосах слышались изумление, недоверие, насмешка и легкая истерия...

Теперь она видела четко... В когтях орла была зажата свастика. Камера взмыла вверх: над орлом появилось улыбающееся лицо Адольфа Гитлера, он махал скандирую-

щей толпе. Простой и скромный мундир без знаков отличия.

Густой баритон диктора наполнил комнату звуками немецкой речи. Дер Хиер подошел к ней.

– Вы знаете немецкий? – шепнула она. – Что он говорит?

– Фюрер, – медленно перевел тот, – приветствует весь мир, собравшийся в германском отечестве на открытие Олимпийских игр 1936 года».

Репортаж с открытия берлинской Олимпиады был первой в истории человечества публичной телевизионной трансляцией. Вот гуманоиды его и поймали на просторах Вселенной.

Вторая попытка

Утром в воскресенье 26 апреля 1931 года в Барселоне, в здании муниципалитета, собрались около двух десятков осанистых мужчин, которым предстояло принять решение о месте проведения летних Олимпийских игр 1936 года. Это были члены Между-

народного олимпийского комитета; руководил собранием президент МОК, бельгиец граф Анри де Байе-Латур. Бывший дипломат и страстный любитель верховой езды, Байе-Латур снискал репутацию блестящего организатора, сумев провести летние Игры 1920 года в Антверпене, хотя Бельгия жестоко пострадала в Первой мировой войне, а на подготовку оставался всего год. В 1925 году он занял пост ушедшего в отставку основателя олимпийского движения Пьера де Кубертена.

Комитет рассматривал четыре заявки. Летнюю Олимпиаду желали провести у себя Будапешт, Рим, Барселона и Берлин. Первыми получили слово итальянцы. Они сняли кандидатуру Рима, но попросили иметь его в виду на будущее. Представитель Венгрии сделал то же самое и высказался в пользу Берлина. Немецкие члены МОК Теодор Левальд и Карл Риттер фон Хальт ощутили радость предвкушения.

В 1912 году немецкая столица уже была определена местом проведения летних Игр 1916 года. Берлинцы немедленно взяли-

за дело и очень быстро воздвигли великолепный стадион в Шарлоттенбурге. Однако мировая война порушила эти планы. В апреле 1915 года барон де Кубертен заявил, что берлинские Игры не отменены, а отложены впредь до окончания войны. Но 22 апреля того же года французские и алжирские солдаты на позициях близ бельгийского города Ипр увидели в воздухе зловещее серо-зеленое облако – то была первая в истории газовая атака. В качестве химического оружия немцы применили хлор, а в июле того же года, в районе того же Ипра – горчичный газ, получивший с тех пор название «иприт». Узнав о потраве, Кубертен решил наказать немцев и отменил решение о проведении Игр в Берлине.

После войны Германии было отказано в праве не только принимать у себя, но и участвовать в Играх 1920-го и 1924 года. Но с приходом Байе-Латура позиция МОК смягчилась. В 1928 году Германия получила приглашение на летние Игры в Амстердам. Немецкие атлеты показали блестящий результат, уступив в неофициальном командном



BETTMANN / CORBIS / RFG

зачете только команде США. Это был убедительный аргумент в пользу Берлина. В мае 1930 года МОК собрался там на свой очередной конгресс. Его участников приветствовал президент Гинденбург. Теодор Левальд, принимавший участие в подготовке Олимпиады 1916 года, употребил все свои способности, дабы убедить коллег. Он даже напомнил им, что возрождение олимпийских игр произошло благодаря раскопкам немецких археологов во главе с Эрнстом Куртиусом на месте древней Олимпии. Германия – прямая наследница античных традиций физической культуры, доказывал Левальд.

В Барселоне он заново повторил все свои прежние доводы, добавив еще один: Берлин расположен в центре Европы и потому несомненно привлечет гораздо больше туристов, нежели находящаяся на отшибе Барселона. Заслушав презентацию испанцев, комитет приступил к голосованию. Поскольку в Барселоне присутствовало менее половины членов МОК, пришлось ждать три недели, пока недостающие голоса придут по почте или телеграфу. Окончательный подсчет голосов состоялся 13 мая в Лозанне, где расположена штаб-квартира МОК. При восьми воздержавшихся Барселона получила 16 голосов, Берлин – 43.

С широко закрытыми глазами

Окрыленные успехом Теодор Левальд и глава Национального олимпийского комитета Германии Карл Дием отправились на Игры 1932 года в Лос-Анджелес. Американцы поставили шоу с голливудским размахом. У Левальда и Диема разбежались глаза. Именно в Лос-Анджелесе впервые был зажжен олимпийский огонь (никакой «древней традиции» на этот счет не существует) и впервые специально для спортсменов была выстроена олимпийская деревня (прежде участники соревнований ютились, где придется).

Однако достижения немецких атлетов на лос-анджелесской Олимпиаде оказались более чем скромными – девятое место. Нацистская газета *Der Angriff* встретила известие яростной бранью в адрес Национального олимпийского комитета, в котором засели, мол, «предатели», пославшие немецких атлетов соревноваться с евреями и неграми.

В январе 1933 года оргкомитет берлинской Олимпиады собрался на первое заседание. Левальд представил собранию свой бизнес-план. По его расчетам, на Игры в Берлин придут около 4000 спортсменов. Берлину необходим стадион вместимостью 80-85 тысяч мест. Основные средства, три миллиона рейхсмарок (10 миллионов долларов по нынешнему курсу), должны поступить от продажи билетов. Дополнительный доход даст продажа почтовых марок и других сувениров. Министр финансов Ялмар



Шахт, кроме того, благословил проведение олимпийской лотереи. Однако все эти радужные планы оказались под фатальной угрозой спустя шесть дней после заседания: к власти в Германии пришли нацисты, Адольф Гитлер стал канцлером.

Фюрер считал олимпийское движение «изобретением евреев и масонов» и говорил, что при власти национал-социалистов ничего подобного в рейхе не будет. У Левальда и Диема был и личный повод для опасений: у первого еврейкой была бабка, у второго предков-евреев имела жена.

В марте Левальд получил аудиенцию у Гитлера, на которой присутствовал также министр народного просвещения и пропаганды Пауль Йозеф Геббельс. Спортом колченогий и тщедушный Геббельс не интересовался, но видел в грядущей Олимпиаде пропагандистский потенциал. Гитлер был настроен скептически. Тем не менее, официальное сообщение о встрече гласило, что, по мнению фюрера, «Игры внесут существенный вклад в дальнейшее взаимопонимание народов мира и будут способствовать развитию спорта

среди немецкой молодежи, что крайне важно для здоровья нации». В коммюнике ничего не говорится о том, как решился вопрос о еврействе Левальда. Учитывая позицию МОК, выразившего ему полную поддержку, его оставили на занимаемой должности до конца Олимпиады. Государственным куратором подготовки был назначен рейхскомиссар спорта Ганс фон Шаммер унд Остен, давний соратник Гитлера.

Теодор Левальд стал попросту заложником режима. Но он действительно жаждал провести игры в Берлине! Вскоре после встречи с фюрером он направил в Лозанну послание, в котором опровергал толки о негативном отношении новых правителей Германии к олимпийской идее.

Но развеять сомнения иного сорта ему не удалось. До членов МОК доходила информация о дискриминации спортсменов-евреев. Надо учесть, что государственная политика антисемитизма до поры до времени смягчалась вмешательством Гинденбурга, резко протестовавшего против таких мер. Внешне травля евреев выглядела как хулиганские

Слева: основатель современного олимпийского движения **Пьер де Кубертен**. В центре сверху: **Анри де Байе-Латур**, сменивший Кубертена на посту главы МОК, слева от него – президент Олимпийского комитета Германии **Теодор Левальд**, 1936 год. Вверху: министр народного просвещения **Йозеф Геббельс**, видевший в Олимпиаде большой пропагандистский потенциал. Внизу: режиссер **Лени Рифеншталь** снимает свою «Олимпию» – документальный фильм о Берлинской Олимпиаде 1936 года

выходки штурмовиков и самодеятельность местного начальства. А проявления бытового антисемитизма можно было обнаружить в любой европейской стране и, разумеется, в Америке. Поэтому первоначальная реакция МОК носила сдержанный характер. Байе-Латур писал в мае 1933 года членам МОК от Германии, что действия, «направленные против определенных спортсменов, породили неприязненную реакцию в спортивном мире». Он потребовал от Гитлера письменных гарантий невмешательства в дела Олимпиады под угрозой аннуляции решения о проведении Игр 1936 года в Берлине.

На это письмо ответил председатель оргкомитета берлинской Олимпиады Риттер фон Хальт. Фон Хальт наотрез отказался просить у Гитлера письменных гарантий в какой бы то ни было форме: «Прошу Вас, г-н президент, проявить понимание: от главы правительства страны с населением в 65 миллионов человек нельзя требовать письменных подтверждений того, что было сказано им устно».

Фон Хальту можно было бы возразить, что главы и государств побольше подписывают договоры. Прочитав письмо, Байе-Латур прогневался и стал ждать очередного заседания МОК, дабы поставить вопрос ребром.

Притеснения спортсменов-евреев к этому моменту уже обрели законодательную форму. Декрет от 28 апреля возбранял евреям членство в спортивных организациях Германии. Это явно противоречило Олимпийской хартии. Из атлетов мирового класса жертвой запрета стала прыгунья в высоту 19-летняя Маргарет Гретель Бергманн. Осенью родители решили послать ее на учебу в Англию. Гретель мечтала об участии в Олимпиаде под британским флагом.

В июне МОК собрался на очередную сессию в Вене. На прямой вопрос Байе-Латура, намерены ли немецкие члены комитета подтвердить, что принципы Олимпийской хартии будут соблюдены Германией в полном объеме, Левальд ответил утвердительно и добавил: «В принципе немецкие евреи не будут исключаться из сборной Германии на XI Олимпиаде».

Эти заверения были приняты за чистую монету. Однако спустя всего несколько дней спорткомиссар Шаммер унд Остен показал, что цена им – грош. Выступая в Берлине, он заявил, что Германию на Играх должны представлять только немцы.

Чего боялся Гитлер

В нацистской идеологии культ тела, физического здоровья занимал значительное место. Рассуждениями о необходимости оздо-

ровления немецкой нации наполнена книга Гитлера «Моя борьба». «Прежде всего, — излагает Гитлер свою программу реформы образования, — необходимо по-настоящему сбалансировать умственное воспитание и воспитание физическое... Надо положить конец и тому предрассудку, будто вопросы физического воспитания являются частным делом каждого отдельного человека. Нет и не может быть свободы, идущей в ущерб интересам будущих поколений, а стало быть и всей расы».

И эта программа дала блестящие результаты. Вот мнение американского журналиста Уильяма Ширера, автора классической книги «Взлет и падение третьего рейха»:

«Молодое поколение третьего рейха росло сильным и здоровым, исполненным веры в будущее своей страны и в самих себя, в дружбу и товарищество, способным сокрушить все классовые, экономические и социальные барьеры. Я не раз задумывался об этом позднее, в майские дни 1940 года, когда на дороге между Ахеном и Брюсселем встречал немецких солдат, бронзовых от загара, хорошо сложенных и закаленных благодаря тому, что в юности они много времени проводили на солнце и хорошо питались. Я сравнивал их с первыми английскими военнопленными, сутулыми, бледными, со впалой грудью и плохими зубами, — трагический пример того, как в период между двумя мировыми войнами правители Англии безответственно пренебрегали молодежью».

Казалось, при таком отношении к физической культуре и спорту Гитлер должен был всемерно поддерживать идею проведения Олимпиады в Берлине. Но он все чего-то опасался. Чего же?

Обратимся к свидетельству Лени Рифеншталь — кинорежиссера и, кстати, великолепной спортсменки. Она стяжала лавры и симпатии фюрера своей документальной картиной «Триумф воли» о первом после прихода к власти съезде НСДАП в Нюрнберге. Карл Дием уговорил ее взяться за фильм о Берлинской Олимпиаде. Спустя некоторое время Гитлер пригласил ее в свой мюнхенский дом.

«К моему изумлению, он сказал: «Меня Игры не очень интересуют. Лучше я останусь в стороне...»

«Но почему?» — спросила я.

Гитлер замаялся. Потом сказал: «У нас нет шансов выиграть медали. Американцы победят в большинстве видов, их звездами станут негры. Мне не доставит удовольствия смотреть на это...»

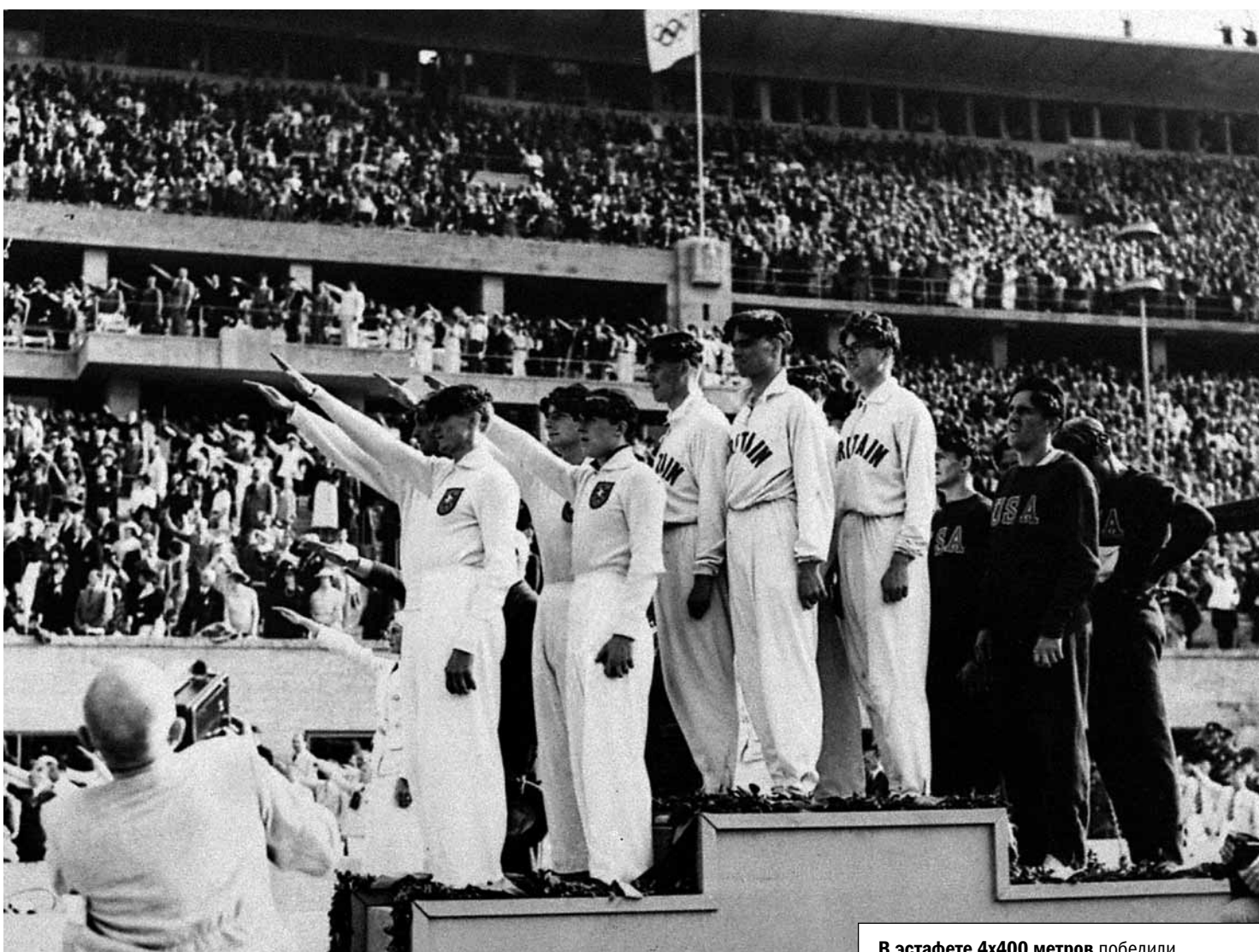
Итак, Гитлер просто банально боялся поражения от «недочеловеков»!

Однако в октябре 1933 года всем колебаниям пришел конец. Гитлер решил осмотреть олимпийский стадион. Полюбовавшись на котлован (архитектор Вернер Марч решил увеличить вместимость трибун не надстраивая, а углубляя их — так, чтобы арена оказалась ниже уровня почвы), он отменил реконструкцию и приказал построить новый стадион — на 100 тысяч зрителей. Берлинская Олимпиада получила окончательное благословение вождя.

Впоследствии Альберт Шпеер, показывая фюреру макет спроектированного им грандиозного стадиона в Нюрнберге, заметил, что сооружение не в полной мере отвечает требованиям МОК. На что Гитлер ответил: «Это совершенно неважно. В 1940 году Олимпийские игры пройдут в Токио. Но после этого они всегда будут проводиться в Германии, на этом стадионе. И какими должны быть размеры арены, будем определять мы».

Нюрнбергские законы и Олимпийская хартия

В августе член МОК от США генерал Чарльз Шеррил встретился в Мюнхене с Гитлером и остался им совершенно очарован, о чем и сообщил президенту Франклину Рузвельту в специальной записке. Фюрер заверил генерала, что не допустит никаких антисемитских санкций в спорте. Однако уже через несколько дней в Германии был принят пакет расовых законов, вошедших в историю как Нюрнбергские. Евреи, даже евреи на четверть, лишались немецкого гражданства и всех связанных с ним прав. Шеррил обомлел от такого вероломства. Но Шаммерунд Остен сообщил ему, что на составе немецкой олимпийской сборной Нюрнбергские законы никак не отразятся — евреи бу-



В эстафете 4x400 метров победили британцы, вторыми стали американцы, хозяева Игр заняли третье место

дут участвовать в Олимпиаде. И генерал успокоился, хотя, согласно Олимпийской хартии, спортсмен должен быть гражданином страны, под флагом которой он выступает. Документы свидетельствуют, что в общении с американцами у немцев всегда был в запасе контраргумент, которым с успехом пользовалась и советская пропаганда: «А у вас негров линчуют!» Это была святая правда. И не только негров, но и евреев.

В сентябре Левальд направил фехтовальщице, чемпионке амстердамских Игр, не вернувшейся домой после лос-анджелесской Олимпиады, Хелен Майер приглашение на февральские отборочные соревнования. «Поверьте, — писал он американскому ОК, — мы больше, чем кто бы то ни было в Америке, хотим иметь в своей команде еврейских атлетов олимпийского калибра. Но у нас их нет, и я не думаю, чтобы Америка желала видеть в нашей команде атлетов второго сорта только потому, что они евреи. Это определенно не отвечает олимпийскому духу».

Майер ответила согласием. Понимая, что отозвать приглашение хозяевам Олимпиады будет сложно, она потребовала восстановить ее в правах гражданства. Левальда это требование повергло в замешательство. Однако вопрос решился положительно. При встрече с немецким консулом в Вашингтоне Майер заявила, что не исповедует никакую религию, никогда не была связана ни с какими «еврейскими кругами» и не считает себя еврейкой. Все это — чистая правда. Хелен Майер считала себя немкой и была воспитана в католической вере.

Американские атлеты в большинстве не одобряли идею бойкота. Мало кто из них всерьез интересовался международными делами. Потерять «из-за политики» свой шанс, выпадающий раз в четыре года, казалось глупо. Тем не менее, движение за бойкот росло и ширилось; к нему примыкали уже не только спортивные организации. 21 ноября в Нью-Йорке прошел антинацистский митинг в пользу бойкота, собравший около 10 тысяч человек. Бойкота требовали протестантские общины Америки. Сторонником отказа США от участия в берлинских Играх был американский член МОК, немец по происхождению Эрнст Ли Янке, опубликовавший свое письмо Байе-Латуре. Президента МОК бесила публичная деятельность Янке, он требовал его отставки, но вступать в спор по существу не решался. В конце концов, в декабре и британцы, и американцы после упорной борьбы официально приняли приглашение оргкомитета берлинской Олимпиады.

Согласно тогдашним правилам, стране-хозяйке летних игр предоставлялось право провести в том же году и зимние. Местом проведения зимней Олимпиады 1936 года стал Гармиш-Партенкирхен в баварских Альпах. Именно по этому случаю Гитлер принял решение объединить два соседних города в один.

За считанные дни до открытия зимних Игр американского журналиста Уильяма Ширера разбудил телефонный звонок. Звонил Вильфред Баде, куратор иностранной прессы в имперском министерстве пропаганды.

«Вы были недавно в Гармише?» — начал он. Я ответил: «Нет». Потом он стал оратор: «Я знаю, что вы не были там, и тем не менее вы без зазрения совести сочинили фальшивку о притеснении местных евреев...»

Ширер навлек на себя гнев властей сообщением о том, что в Гармиш-Партенкирхене, готовясь к Играм и не желая раздражать мировое общественное мнение, организаторы убрали таблички «Евреи нежелательны». Ширер развернул газеты и увидел, что они разразились злобной бранью в его адрес. «Клеветника» они называли при этом «грязным евреем», не отдавая себе отчета в том, что тем самым они подтверждают обвинение.

Фотография таблички «Евреи нежелательны» впервые появилась в британской Manchester Guardian еще в декабре 1935 года, после чего их и стали убирать. Но убрали не все. Граф Байе-Латур, прибывший на Игры, увидел их из окна машины, проезжая по Гармишу. Он немедленно пожелал встретиться с Гитлером и с порога заявил последнему, что, если эти явные знаки расовой дискриминации не будут убраны, игры будут отменены — как зимние, так и летние. В ответ фюрер, по словам очевидца, впал в обычный для себя транс красноречия, глядя при этом куда-то в стык стены и потолка. Наконец он умолк. В комнате воцарилось молчание. Выдержав паузу, Гитлер выкрикнул: «Вы будете довольны! Распоряжения будут даны!» И стремительно покинул помещение.

Соня Хейни на фоне эсэсовцев

Зимние Игры прошли прекрасно. Это признавал и Ширер:

Вокруг много эсэсовцев и военных, но пейзаж Баварских Альп, особенно на восходе и закате, великолепен, горный воздух опьяняет, румяные девушки в лыжных костюмах в основном весьма привлекательны, сами иг-

ры захватывают, главным образом опасные прыжки на лыжах с трамплина, гонки на санях (тоже очень опасные, иногда воспринимаются как вызов смерти), хоккейные матчи и фигуристка Соня Хейни. А в общем-то нацисты проделали великолепную пропагандистскую работу. Они произвели огромное впечатление на иностранных гостей тем, с каким размахом и как гладко провели эти игры, а также понравились своими хорошими манерами, которые нам, приехавшим из Берлина, конечно, казались наигранными.

23-летняя норвежка Соня Хейни, впоследствии сделавшая успешную актерскую карьеру в Голливуде, была настоящей звездой Гармиш-Партенкирхена. Символическим евреем немецкой сборной стал капитан хоккейной команды Руди Баль, считающийся одним из величайших хоккеистов довоенной эры. Баль к тому времени жил в Италии и условием своего участия в Олимпиаде поставил разрешение покинуть Германию вместе с родителями сразу после закрытия Игр. В австрийской сборной было пятеро евреев. Эти факты имели кардинальное значение при окончательном решении вопроса о судьбе берлинской Олимпиады.

Движение за бойкот уже заглохло и сошло на нет, когда неожиданно пришла потрясающая весть с Иберийского полуострова. Коалиционное левое правительство Народного фронта, победившее на всеобщих выборах 1936 года в Испании, предложило провести альтернативные Игры в Барселоне.

Идея оказалась привлекательной. Оргкомитет Olimpiada Popular — «Народной Олимпиады» — получил согласие участвовать от спортивных организаций 20 стран, в том числе Советского Союза, Канады, Польши, Палестины, Дании, Норвегии, Швеции, Франции, Нидерландов и Великобритании. Нашлись и деньги. Среди предполагаемых участников были атлеты высокого класса.

Тем временем в Берлине наводила последний лоск. Карла Диема осенила идея: надо не просто зажечь олимпийский огонь на стадионе, а устроить эстафету, пронести его через всю Европу от древней Олимпии до столицы рейха — достойного наследника лучших традиций античности. Несомненно, на эту мысль его навели нацистские факельные шествия.

Когда Лени Рифеншталь приехала в Грецию, чтобы снять бегущих с олимпийским факелом потомков древних эллинов (ее за-

мысел состоял в оживлении античных статуи, то юноша идеальных пропорций, которого она выбрала, оказался отнюдь не греком или арийцем, а расово неполноценным русским эмигрантом по имени Анатолий.

Открытым оставался довольно щекотливый вопрос. Организаторам берлинских Игр ужасно хотелось получить благословение основателя олимпийского движения, а от того не было ни слуху ни духу, несмотря на льстивые, хотя и с грамматическими ошибками, письма Теодора Левальда.

Проблема разрешилась удивительно просто. Барон де Кубертен на склоне лет столкнулся с финансовыми затруднениями и даже собрался продавать мебель и картины. И тогда в ход пошло испытанное, безотказное средство. 25 мая Левальд отправил Кубертену очередное послание, в котором радостно уведомлял адресата: «К моему величайшему удовольствию, я только что узнал, что наш фюрер и канцлер, который, как вам известно, с энтузиазмом защищает олимпийские идеалы и бесконечно сожалеет о том, что вы не сможете прибыть на Игры, предоставил в мое распоряжение сумму в 10000 рейхсмарок, или 12300 швейцарских франков, с тем, чтобы я отправил их вам. Нет нужды напоминать вам, что об этом не следует упоминать публично, а в том случае, если возникнут вопросы у Байе-Латура, я отвечу ему, что Германия, как организатор Олимпийских игр, желает сделать взнос в Фонд Кубертена».

В переводе на нынешний курс барон получил около полумиллиона долларов. Конечно, с суммами олимпийских взяток эпохи Хуана-Антонио Самаранча эти деньги в сравнение не идут, но все же это был первый или один из первых случаев подкупа — и кого, самого отца-основателя! Кубертен деньги взял, после чего тон посланий Левальда превратился из заискивающего в почти приказной.

Английская команда спортсменов-рабочих в главе с Джорджем Элвином приехала в Барселону поездом вечером 18 июля. Поселившись в отеле и поужинав, гости вышли прогуляться и вскоре почувствовали, что атмосфера в городе какая-то не праздничная, а тревожная и напряженная. Оказалось, в этот самый день испанские националисты под предводительством генерала Франко подняли военный мятеж. Штурм Барселоны ожидался в ближайшее время. Наутро над городом гремела артиллерийская канонада, слышался рев самолетов, на улицах трещали пулеметные очереди.

Первая атака была отбита, и организаторы «Народной Олимпиады» попытались все же устроить соревнования хоть в сокращенном объеме и тем поднять боевой дух защитников города. Английскую делегацию вместе с гостями из некоторых других стран попросили пройти пешком от отеля до стадиона. Шествие спортсменов сопровождали звуки волынок. Барселонцы встречали процессию радостными приветствиями. Вместо соревнований они провели разминку и тренировку. На выходе со стадиона их обстреляли франксистские снайперы, но никто не пострадал.

На следующий день англичане обнаружили, что в барселонском порту стоит на якоре британский военный крейсер «Лондон». Вице-консул настоятельно советовал им воспользоваться этой возможностью и отправиться восвояси. Так они в конце концов и поступили, хотя у некоторых романтиков было желание остаться.

Самая короткая речь фюрера

В конечном счете, бойкот стал личным делом отдельных атлетов и тренеров. Стоит назвать трех австрийских пловчих-евреек, которые отказались участвовать в Играх. Они были пожизненно дисквалифицированы и лишены все званий и наград «за огромный ущерб, нанесенный австрийскому спорту» и «явное неуважение олимпийского духа». Самой юной из них, Рут Лангер, было всего 15 лет; при этом она была уже чемпионкой Австрии на двух дистанциях, 100 и 400 метров вольным стилем.

Берлинцы вымыли, вычистили и вылизали город до неправдоподобного блеска. Вместе с мусором Берлин очистили и от «человеческих отбросов» — цыган, нищих и проституток. Цыган свезли в лагерь Марцан близ Берлина. Всего в результате облавы там оказалось около шестисот мужчин, женщин и детей. Когда Игры закончились, их не пустили. В мае 1943 года их и их соплеменников, задержанных позже, отправили в лагерь смерти Аушвиц-Биркенау (Освенцим-Бжезинка). Проститутки изгнали из центра города, предварительно проверив на венерические заболевания. Такую же принудительную проверку прошли официантки и танцовщицы ночных клубов. Нищие отправились на принудительные общественные работы за городской чертой.

Американский романист Томас Вулф был очевидцем берлинской Олимпиады и оставил

ее описание в романе «Домой возврата нет»:

«Организационный гений немецкого народа, который так часто бывал направлен на столь благородные цели, теперь проявился с необычайной, волнующей силой. Истинно языческая пышность превосходила все, что только можно вообразить... Было во всем этом что-то зловещее. За громадной объединенной мощью всей страны ощущалось колоссальное сосредоточение усилий, невероятная слаженность и порядок. И зловещим это казалось оттого, что для самих Олимпийских игр ничего подобного не требовалось... Изо дня в день здесь планомерно и с грозной внушительностью демонстрировалось, какой вышколенной и дисциплинированной стала вся Германия. Было похоже, что игры обращены в символ новой объединенной мощи, в средство наглядно показать миру, какова она, эта новая сила».

А вот — проезд Гитлера:

«Наконец он появлялся — и некая волна прокатывалась по толпе, как по лугу под ветром, она катилась издалека, с приближением фюрера вздымалась все выше — то слышался голос, и надежда, и мольба всей Германии. Фюрер проезжал медленно, в сверкающем автомобиле — невысокий темноволосый человек с усиками опереточного героя, он стоял навытяжку, неподвижно, без улыбки, подняв руку, но не нацистским приветствием, а прямо вверх, словно благословляя, — подобно Будде или какому-нибудь Мессии».

Для показа берлинских Игр народу в городах Германии было оборудовано 28 «телевизионных комнат», вход в которые был свободным. Для передачи изображения была применена опто-механическая система немецкого изобретателя Пауля Нипкова. Выступление Гитлера состояло из одной фразы: «Объявляю открытыми Игры в Берлине — XI Олимпиаду современной эры».

Эпилог

Родители хоккеиста Руди Баля беспрепятственно эмигрировали, сам же он остался в Германии и играл в хоккей всю войну. В 1948 году он переселился в Южную Африку, стал успешным бизнесменом и умер в 1975 году.

Замечательной прыгунье в высоту Гретель Бергманн не удалось принять участие в берлинской Олимпиаде: она получила извещение, что результаты отборочных соревнований не позволяют включить ее в состав команды. Бергманн уехала в Америку и в 1937 году выиграла чемпионат США с ре-

зультатом 1,57 метра. Ее обида на родину оказалась столь сильна, что она упорно отказывалась от приглашения посетить Германию вплоть до 1999 года, когда в Берлине была открыта спортивная арена ее имени. Гретель Бергманн жива.

Хелен Майер в отчаянной борьбе заняла второе место в олимпийском турнире фехтовальщиц и во время награждения изумила публику, подняв руку в нацистском салюте. За что на долгие годы заслужила ярлык предателя еврейского народа. Она тоже уехала в Америку, где в возрасте 41 года умерла от рака.

Австрийская пловчиха Рут Лангер после аншлюса Австрии бежала в Англию, где прославилась своим заплывом вдоль по Темзе. Она скончалась в 1999 году 77 лет от роду.

Пьер де Кубертен скончался в Лозанне в 1937 году. Теодор Левальд ушел со всех постов сразу после берлинской Олимпиады, пережил войну и умер в 1947 году. Его место занял Карл Дием. Когда в 1940-м немецкие войска вторглись в Бельгию, Дием явился к графу Анри Байе-Латуре и сообщил ему, что он может оставаться президентом МОК, но олимпийское движение надо «освежить». Байе-Латуре капитулировал. Он оставался номинальным президентом, безучастно наблюдая процесс нацификации МОК. В январе 1942 года, будучи морально сломленным человеком, он умер и удостоился пышных похорон в Брюсселе с нацистско-олимпийской символикой. Карл Дием после войны сумел избежать всех неприятностей, был полностью реабилитирован и даже создал себе репутацию скрытого антинациста. Он умер в 1962 году. Ганс фон Шаммер унд Остен умер в 1943 году.

В 1945 году президентом МОК стал Эйвери Брандэдж. На этом посту он неустанно боролся с профессионализмом в спорте, беспощадно изгоняя из олимпийских рядов и лишая наград атлетов, замеченных в участии в профессиональных соревнованиях. При этом он делал вид, что принимает за чистую монету любительский статус спортсменов советского блока, которые часто лишь числились рабочими или военными. В 1972 году именно он принял решение продолжать Игры в Мюнхене после убийства палестинскими террористами 11 израильских атлетов. Брандэдж умер в 1975 году в Гармиш-Партенкирхене и похоронен в Чикаго. Однажды на траве рядом с его надгробьем появилась сделанная цветным спреем надпись на иврите: «Народ Израиля живет».



Адольф Гитлер приветствует толпу, выезжая с ледового стадиона в Гармиш-Партенкирхене после состязаний фигуристов